

О. В. Архипова²

СТРАТЕГИИ ИДЕНТИЧНОСТИ И ТВОРЧЕСТВА В ЭПОХУ ЦИФРЫ

Глобальные изменения, связанные с формированием нового типа культуры, стали следствием цифровой революции (*англ.* Digital Revolution)³. Формально она

связана с переходом от аналоговых к цифровым технологиям, всеобъемлющим проникновением Интернета (к слову, в апреле 2019 г. отмечается тридцатилетний юбилей *World Wide Web*). В результате появились новые способы коммуникации, сформировался новый тип культуры и экономики.

² Профессор кафедры гостиничного и ресторанного бизнеса Санкт-Петербургского государственного экономического университета, доктор философских наук. Автор более 150 научных публикаций, в т. ч.: «Идея образования в контексте постнеклассической культуры», «Культурологические и философские аспекты дихотомии „славянофилы“ — „западники“» (в соавт.), «Этюды метафизики творчества» (в соавт.), «Творческая личность в современной репрезентативной культуре», «Культурология творчества в современной репрезентативной культуре», «Цифровые тренды культуры: опыт трансформации культурных практик» и др.

С момента рождения концепции цифровой экономики в конце XX века до выхода доклада «Цифровые дивиденды» о господстве цифровых технологий в мировом развитии прошло чуть более двадцати лет⁴.

восочетаниях «цифровое общество», «цифровая революция», «цифровые технологии», «цифровая эпоха», «цифровое поколение» и т. п.

³ Часто используется и прилагательное «digital», образованное от английского слова «digit» («буква» нового языка компьютерных и коммуникационных технологий), в англоязычных сло-

⁴ Обзор и оглавление доклада о мировом развитии «Цифровые дивиденды» / Международный банк реконструкции и развития. Всемирный банк, 2016, NW, Washington, D. C., 20433. URL:

За это время появились различные внешние и внутренние цифровые каналы, зависящие от потребностей рынка, доступности и безопасности, целей, задач и вызовов. «Цифровое мышление» и особый «цифровой» образ жизни стали неотъемлемой частью современности. Мы ежедневно используем множество каналов цифровой коммуникации. С каждым годом они становятся технологичнее, удобнее, умнее. Смешивание онлайн- и офлайн-пространств, общение и работа в социальных сетях, поток контекстной и нативной рекламы, покупки и продажи в Сети, мобильные приложения, виртуальная и дополненная реальность, «интернет вещей» и многое другое стали частью нашей повседневности.

Оценка трансформаций, в результате которых формируется цифровая эпоха и власть от буквы переходит к цифре, неоднозначна¹. Отмечается, что господство идеологии техноцентризма приводит к забвению книжной культуры, «атомизации» действительности, подмене гуманитарных ценностей примитивными эрзацами, что обнаруживает пропасть между человеком и миром, подлинным и неподлинным бытием². Происходит стихийный процесс «развеществления» бытия. Вместо вещно-событийной реальности господствуют виртуальность, симулякры, «информация», статус подлинности переходит к сфабрикованному, искусственному³. Материальное бытие вытесняется виртуальным, а виртуальному миру не соответствует никакая ценностная шкала. Виртуальность избегает оценок, человекомерности. Там, в искусственном, но таком манящем мире все возможно. Этот мир дезориентирует современного человека, навязывает ему обманчивые идеалы, иллюзорные мотивы действия, необоснованные варианты поведения.

В то же время глобальные изменения, связанные с формированием цифрового типа культуры, отразились на дескриптивных практиках современности. Цифровые технологии активно узурпируют культурные функции *памяти* и *идентификации*. Информационная функция (функция памяти) реализуется в переводе многообразия информации, которой располагает человечество и которую оно продолжает создавать в цифровом поле⁴. Актуальным примером выступают огромные массивы частной «микроистории», генерируемые сегодня пользователями.

Функция знака, или кода, используется в цифровом формате для идентификации человека. В цифровой культуре вопрос идентификации и особенно самоидентификации отнюдь не праздный. Кто я? Как меня видят другие? Как себя вижу я сам? Мы получаем на этот

<https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/23347/210671RuSum.pdf> (дата обращения: 29.03.2019).

¹ См.: Катасонов В. Ю. Мир под гипнозом цифры, или Дорога в электронный концлагерь. М.: Библиотека РЭО им. С. Ф. Шарпова, 2018. (Сер. «Анатомия современного капитализма»); Васильев Г. Е. Причины упадка современной культуры // Вопросы культурологии. 2011. № 5; Архипова О. В. Творческая личность в современной репрезентативной культуре // Общество в условиях современного медиапространства: сб. науч. тр. / отв. ред. А. Д. Евменов. СПб.: СПбГИКиТ, 2016; Кутырев В. А. Бытие или ничто. СПб.: Алетей, 2010.

² Васильев Г. Е. Указ. соч.

³ Кутырев В. А. Указ. соч.

⁴ См.: Катасонов В. Ю. Указ. соч.

вопрос множество ответов в соответствии с гендерными, социальными, психологическими, политическими и многими другими основаниями. А сегодняшняя культурная реальность провоцирует вариативность, нестабильность и изменяемость личностных статусов.

Само понятие «идентичность» предполагает осознание своей индивидуальности, причем осознание ее как ценности. Переживание себя — одна из высших форм переживания, когда мы начинаем осознавать целостность, неповторимость, уникальность самого себя и, с одной стороны, свое сходство с другими людьми, а с другой — свое отличие от них. Идентичность — это реализация своей принадлежности к различным частям многогранного социума. Когнитивная часть идентичности, то есть знание о себе, достаточно устойчива и постоянна, она традиционно описывается в классической психологии и хорошо известна. Вторая составляющая идентичности — переживание себя — связана с представлением о себе как авторе своей жизни. Можно сказать, что длительный путь развития человека до приобретения идентичности — это путь, в результате которого я начинаю писать свою жизнь, становлюсь ее автором. Это довольно сложный процесс, потому что до меня, до того как я приобрету авторские права, существуют другие люди, которые говорят, как мне жить, причем могут сказать это не только ребенку или подростку, но и взрослому человеку. Вот почему так сложно начать доверять себе, своим ощущениям и переживаниям, не пытаться их контролировать и делать правильными и удобными. Соответственно, сначала авторами являются родители, потом на авторство начинает претендовать школа, потом ими стремятся стать профессиональные гуру, затем — политики или еще кто-либо, то есть на авторство все время кто-то покушается. И зачастую часть жизни посвящена тому, что мы отстаиваем свою идентичность, нам важно ее отстаивать, поскольку идентичность включает переживание нашей целостности, непрерывности, нашего соотнесения самому себе.

Проблема заключается в раскрытии механизмов формирования идентичности, идеях построения новых моделей идентичности в эпоху цифры. К. Э. Разлогов, размышляя об этом, подчеркивает, что именно на почве творчества и искусства прорастают зерна, необходимые для формирования возможной множественной идентичности одного индивида⁵. Модус современной культуры порождает и отражает эту ситуацию, стремясь к открытости и вариативности сценариев построения частной, персональной истории на платформе творчества.

Личный поиск этих сценариев обращается к проигрыванию различных вариантов судьбы. Такое творческое прочтение жизни связано с самой природой человека. И если в традиционной культуре «боязнь» совершить ошибку была достаточно высока, то сегодня не зазорно пробовать, экспериментировать, ошибаться, делать попытку за попыткой, доверять собственному опыту. Универсальной моделью опыта при таком подходе оказывается опыт творческий, связанный с про-

⁵ Разлогов К. Э. Метаморфозы идентичности // Вопросы философии. 2015. № 7. С. 32.

изводством нового и адаптацией к новому, самопроизводством человеческого «я». Сегодня творческая активность людей находит выражение во внеинституциональных категориях, развивается по субъективным линиям, включающим глубоко индивидуальные сюжеты. Развитие человека в культуре уходит от строгих догматичных схем и все больше фокусирует внимание на действиях и процессах, связанных с персональным, экзистенциальным опытом, воображением, повествованием и т. д. Иначе говоря, оно ищет все более тонко нюансированные определения человека в культуре, его культурной идентичности, понятой как проявление его творческой субъективности. Изменилась сама организация культурной жизни и активности общества. И это во многом спровоцировано распространением цифровых и информационно-коммуникативных технологий, на основе которых возникли новые социокультурные феномены и практики. Нужно отметить, что сами изменения совершаются теперь не столько структурами и институтами, сколько деятельностью людей, которые в силу жизненных обстоятельств и биографии экспери-

ментируют с открывающимися возможностями и пользуются ими.

Участие людей в создании социокультурных феноменов, экспансия любителей в сферу культурного производства приводят к стиранию границ между потреблением и производством, игрой и работой, свободным временем и трудом, творчеством и рутинной повседневности, аудиторией и автором. Все это является свидетельством проявления особого типа активности, которая может быть названа культурной практикой, агентом и активным участником которой выступает личность как полноправный участник процесса и созидатель некоего культурного явления. Цифровые и информационные технологии при этом становятся провоцирующим и поддерживающим инструментом новых форматов реализации активности человека в культуре. Актуальный опыт показывает, что в культуре медленно, но верно вызревают принципиально новые ценностные ориентации человека. Образ мира и культуры все чаще фокусируется на понимании человека как творца. И в эпоху «цифры» важно не подвергнуть забвению эту гуманистическую идею.